

INSPIRIA

Christine Tran

Apus

INSPIRIA

Сильвия Плат

Ариэль

Серия «Inspiria Air»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68539093

Ариэль:

ISBN 978-5-04-178576-5

Аннотация

Сильвия Плат – культовая американская поэтесса и обладательница Пулитцеровской премии. Символ исповедальной поэзии. Мученица, феминистка, бунтарка – называть ее можно по-разному.

Но есть один неоспоримый факт: представить себе поэзию XX века без нее просто невозможно.

Сборник стихотворений «Ариэль» по праву считается одной из лучших работ Сильвии Плат. Он был опубликован в 1965 году, через два года после смерти автора.

В России «Ариэль» издается впервые.

Содержание

Утренняя песнь	5
Вестники	7
Овца в тумане	8
Соискатель	9
Госпожа Лазарь	11
Тюльпаны	16
Порез	20
Вяз	22
Ночные танцы	25
Октябрьские маки	27
Берк-Пляж	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сильвия Плат

Ариэль

Sylvia Plath

ARIEL

© The Estate of Sylvia Plath, 1965

© Сидемон-Эристави Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Утренняя песнь

Как толстенские золотые часы,
заводишься ты любовью.
Шлепнула акушерка тебя по пяткам —
и дерзкий твой вопль
Занял место среди прочих стихий.

Эхо наших голосов — дань славному твоему
прибытию. Новая статуя
Встала в музее убогом. Твоя нагота оттенила
Безопасность нас всех — и мы встали вокруг,
равнодушные, словно стены.

Я — не более мать тебе,
Чем облачко, что мимо зеркала проплывает,
в нем отражая свою
Неторопливую смерть от руки ветра.

Всю ночь мотыльковые вздохи твои
Мерцают меж плоских розовых роз.
Я слушаю, просыпаясь:
В ушах шевелится далекое море.

Крик — я срываюсь с кровати, этакая корова,
в смешной, цветастой,

Викторианской ночной рубашке.

Разинутый ротик твой – чистый, как у котенка.

Квадрат окна

Белит, глотая, скучные звезды.

Вот и попробуй теперь

Вести заметки:

Звонкие гласные вверх воспаряют,

точно воздушные шарики.

Вестники

Слово улитки на страничке листа?
Не от меня. Не принимай.

Уксусная кислота в запечатанной жестянке?
Не принимай. Не настоящая.

Золотое кольцо, в котором прячется солнце?
Вранье. Ложь и горе.

Лист замерзший, котел изобилья,
Поющий себе трескучую песню

На каждом черном пике
Девяти Альп,

В зеркальном стекле смута,
Море, дробящее серую суть свою, —

Любовь. Любовь — мое время года.

Овца в тумане

Холмы отступили в туман.
Люди иль звезды
Глядят на меня печально:

вот разочарованье!

Поезддохнул облачком пара.
Медленно тащится лошадь,
Цветом – как ржавчина,

Копыта, печальный звон колокольников —
Прямо с зари
Делалось утро темнее.

Так и не съеден цветок.
Стынут кости мои, а сердце
Тянет к далеким лугам.

Люди грозятся отправить меня на небо,
Беззвездное и сиротское,
Будто вода без дна.

Соискатель

Для начала, насколько вы подходите нам?
Есть ли у вас
Стеклянный глаз, костыль или челюсть вставная,
Протез или крюк,
Грудь или член фальшивый?

Хоть шрамы, чтоб было ясно,
что есть недостача? Нет-нет?
И как же тогда мы вам предоставим хоть что-то?
Плакать не надо.
Вы покажите руку.
Пустая? Пустая. Вот вам рука,

Чтоб пустоту заполнить. Рука, что готова
И подносить чашки, и прочь отгонять мигрени,
И делать все, что прикажут.
Возьмете ее в жены?
Она вам с гарантией полной

В миг смерти глаза закроет —
И растворится в печали:
Мы эту модель изготавливаем из соли.
О, да вы, я смотрю, совершенно голый!
А как вам такой костюмчик?

Да, черный и жестковат, но сидит ведь неплохо!
Возьмете его в жены?
Водозащитный, ударозащитный, огнезащитный,
Также поможет от бомб с потолка.
Уж вы мне поверьте: вас в нем еще похоронят.

Далее: пусто, я вижу, у вас в голове,
Но и для этого есть решение.
Эй, выходи, дорогуша, из шкафа!
Что скажете вы на *это*?
Сейчас она – нагишом,

Но через двадцать пять лет серебряной станет,
И золотой – через пять десятков.
Живая куколка, как ни глянь!
И шить, и стряпать умеет,
И говорить, говорить, говорить.

Это отлично сработает – что за беда?
На ваши раны станет она бальзамом,
Взор ваш украсит видом своим приятным.
Мой мальчик, это для вас – идеальное средство.
Возьмете, возьмете, возьмете ее в жены?

Госпожа Лазарь

Я сделала это вновь,
Как делаю раз
В каждые десять лет —

Ходячее чудо, как есть! Кожа моя
Ярче нацистского абажура,
Правая ножка моя —

Изящное пресс-папье,
Мое лишенное черт лицо —
Гладкий еврейский лен.

Лица платком не прикрывай,
О, враг мой.
Разве я так пугаю? —

Нос, и глазницы, и полный комплект зубов?
А гнилого дыхания запах
Через день уж исчезнет.

Ждать уж недолго: плоть,
Съеденная могилой,
Вернется на место, ко мне.

И стану я снова женщиной с милой улыбкой,
Лет тридцати, не больше, а жизнью —
Девять, точно у кошки.

Эта – третья по счету.
Уничтожение раз в десять лет —
Право, такая морока.

Миллионы лампочек горят: полный аншлаг.
Толпа любопытных грызет орешки,
Люди толкаются, жаждут увидеть,

Как вынимают меня из пелен —

руки и ноги —

Что за шикарный стриптиз!
Дамы и господа,

Вот вам мои ладони,
Вот и мои колени.
Конечно, кожа и кости,

Но все равно: жива я, и я все та же.
Впервые это случилось, когда мне было

лишь десять:

Несчастный случай.

А во второй раз, признаться, я очень хотела
Все оставить как есть и вовсе

не возвращаться.

Замкнулась в себе,

Захлопнулась, словно ракушка, —

Пришлось им кричать и звать,

И червей от меня отдирать,

как прилипшие жемчуга нити.

Умирать —

Искусство не хуже прочих. В нем

Я достигла изрядного совершенства.

Я умираю весьма убедительно.

Я умираю очень по-настоящему.

Полагаю, можно сказать: истинно —

дар Божий!

Не очень трудно погибнуть в камере,

Не очень трудно и быть погребенной

в могиле.

Но театральный процесс

Возвращения к дневному свету,

В то же место и к тем же лицам,

к тем же хамским

Веселым крикам:

«Чудо, какое чудо!» —

Вот это, признаться, бесит.

За все — отдельная плата:

За то, чтоб взглянуть на мои шрамы,
За то, чтоб сердце мое послушать, —
Да бьется, конечно, бьется.

И отдельная плата — большие,
серьезные деньги —

За слово из уст моих, за касанье,
За капельку крови,

За прядку волос, за малый клочок одежды.
Вот так-то, герр Доктор.
Так-то, герр Враг.

Я — ваш шедевр,
Сокровище, драгоценность,
Дитя золотое,

Что взрывается криком.
Я в танце сгораю.
Не думайте: я достойно ценю величие
вашей заботы.

Прах и пепел:
Мешай его, тычь кочергой —
Нет ни костей, ни плоти,

Только брусочек мыла,
Кольцо обручальное

Да золотая зубная коронка.

Герр Бог и герр Люцифер,
Осторожнее.
Берегитесь.

Восстаю я из пепла, встряхнув
Рыжими волосами, —
И мужчин глотаю как воздух.

Тюльпаны

Чересчур восхищают тюльпаны – теперь ведь зима.
Посмотри, до чего все бело, как тихо и снегом покрыто.
Я учусь душевному миру, лгу тихонько себе самой,
И падает свет на белые эти стены, эту постель,
эти руки.

Я – никто. У меня и взрывов безумия —
ничего общего.

Имя мое и уличную одежду я отдала медсестрам,
Анестезиологу – историю, ну, а тело свое – хирургам.

Под затылком – подушка, край простыни —
у подбородка:

Голова – точно глаз меж белыми веками,
не желающими сомкнуться.

Глупая ученица – как много придется освоить!
Медсестры выходят и входят, не раздражая, —
Кружат, подобные чайкам, в шапочках своих белых,
Делают что-то руками, одна – совсем как другая,
Даже не скажешь, как их много на самом деле.

Мое тело для них – точно галька, к нему они льнут,
Как к гальке – вода морская, по ней пробегая,
легонько ее касаясь.

Их светлые шприцы приносят мне пустоту и сон.

Тюльпаны, если вообще заметить,
были уж очень красны. Они обжигали.
Даже через обертку я слышала, как они дышат

тихонько

Сквозь белизну покровов, точь-в-точь —

непослушные дети.

Их алость с раной моей говорила, и рана ей отвечала.

Они так легки — они будто плыли, меня же к земле

прижимали,

Тяготили своими яркими языками и цветом,

Будто десяток маленьких, красных свинцовых

грузил у меня на шее.

Никто никогда раньше не наблюдал за мною —

ну, а теперь наблюдают.

Повернулись ко мне тюльпаны,

а в спину смотрит окно —

В нем ширится свет с утра,

а к вечеру медленно меркнет,

И я вижу себя — плоскую и нелепую тень

из кукольного театра

Меж солнечным оком и взором тюльпанов.

У меня нет лица. Я хотела себя обезличить.

Яркие тюльпаны пожирают мой кислород.

Пока не явились они, был воздух вполне спокоен,

Выходил и входил — вздох за вздохом — без суеты.

Но тюльпаны его наполнили громким звуком.

Воздух теперь их обегает и кружит, как речная вода —
Вокруг затонувшей, заржавленной докрасна
лодки моторной.

Они обращают мое внимание: как хорошо
Просто играть, отдыхая, ни к чему не тянуться душою.

Похоже, от них греются даже стены.

В клетку бы эти тюльпаны, будто зверей опасных;
Они разевают пасти, как африканские хищные кошки,
И я чувствую сердце свое: оно открывает и закрывает
Свою чашу алых цветов из чистейшей ко мне любви.
Вода, которую пью я, солона и тепла,
точно волна морская,
И бежит она из земли далекой, точно здоровье мое.

Порез

Посвящается Сьюзан О'Нил Роу

Вот номер так номер —
Свой палец вместо луковицы!
Почти отхватила кончик,
Не считая тонкого

Лоскутка кожи,
Макушки шляпы
Мертвенно-белой,
А ниже – кровавый плюш.

Маленький паломник,
Индеец содрал с тебя скальп томагавком.
Твой турецкий молитвенный коврик
Теперь развернулся

Прямо от сердца.
Я на него ступаю,
Потрясая своей бутылкой
Розового шампанского.

Мне есть что отметить.
Из пореза-окопа

Выбегают миллионы солдат,
И на каждом – алый мундир.

На чьей они стороне?
О, мой гомункул,
Больна я.
Проглотила таблетку – убить

Чувство,
Тонкое, словно бумага.
Диверсант.
Камикадзе юный —

Пятно на твоём газовом,
Ку-клукс-клановском,
Старом платке,
Растекаясь, темнеет. Когда

Шарообразная мякоть
Твоего сердца
Вступает в битву с маленькой
Мельницей тишины,

Как ты подпрыгнешь,
Раненый ветеран,
Грязная девчонка,
С пеньком вместо пальца большого.

Вяз

Посвящается Рут Фейнлайт

Я знаю дно, так она говорит, я изучила его корнями:
И этого ты боишься.
Да не боюсь я – я там бывала.

Ты море ли слышишь во мне,
Рокот его недовольный?
Или глас пустоты – безумье свое?

Любовь – это тень.
Как лежишь ты и плачешь после!
Слушай подков ее стук – прочь унеслась,
точно лошадь.

Я буду скакать на ней ночь напролет, галопом,
Пока голова твоя камнем не станет
и тонким дерном – подушка,
Звучащая эхом.

Или мне подарить тебе звуки ядов?
Дождь идет в тишине великой.
Плод его – металлически-белый, словно мышьяк.

Я страдала от зверств закатов.
Сожжена до корней —
Мои алые нити горят и топорщатся, точно проволока.

Я рассыпаюсь в осколки, что парят,
словно клубы дыма.

Ветер подобной силы
Не переносит свидетелей: придется кричать.

Да и луна беспощадна: цеплялась,
Волокла жестоко в бесплодье.
Ее сиянье меня пугает. Или, может, ее я схватила?

Я ее отпускаю. Да, я отпускаю ее —
плоской и умаленной,
Как пациентку – после операции трудной.
Будто твои ночные кошмары владеют мною,
одаривая меня!

Во мне поселился крик.
По ночам он рвется наружу,
Ищет, сверкая когтями, в кого бы влюбиться.

Меня пугает темная тварь,
Что спит у меня внутри:
День напролет ощущаю шевеленье крыл ее мягких
и тихую злобу.

Мимо бегут облака, исчезают.

Бледные, невозвратные – они не любви ли лики?
И этим вот я занимаю свое сердце?

Большее знание мне недоступно.
Что это, что за лицо —
Лицо убийцы в путаной рамке ветвей?

Шипит кислотой змеиного яда,
Парализует волю. Это – отдельные, тихие неудачи.
Они убивают. Убивают. Убивают.

Ночные танцы

В траву упала улыбка.
Необратимо!

Как затеряются твои танцы ночные —
В математике, может?

Так изящны прыжки и спирали —
Они, конечно же, неустанно

Бродят по миру, и мне не придется сидеть здесь,
Навеки лишенной дара лицезреть красоту, дара

Вздохов твоих легких, промокшей травы,
Аромата твоих скольжений и лилий, лилий.

Их плоть кровных уз не знает.
Холодные личности складки, каллы,

Себя украшающий барс —
Пятна на шкуре и вихрь лепестков жарких.

Сколько пространств должны
Пересечь кометы,

Сколько прощаний и слов равнодушно-холодных!
Твои движенья спадают с тебя, осыпаясь, —

Человечные, теплые, — после их розовый свет
Трескается, как корка, и кровью исходит

Сквозь забывчивость черных небес.
За что мне даны

Эти светочи, эти планеты,
Что падают, будто благословенья
и снежные хлопья,

Белые шестиконечные звездочки —
На веках моих, на губах, волосах.

Касаются. Тают.
Нигде.

Октябрьские маки

Совладать с такими юбками не под силу даже
солнечным облакам —
Что ж говорить о женщине в «Скорой помощи»,
Чье алое сердце сияет через халат гордо
и откровенно.

Дар, дар любви,
Совершенно
Не прощенный небом,

Поджегшим газ угарный, что бледно горит,
И глазами,
Застывшими под шляпами-котелками.

О Боже, да что я такое,
Чтоб эти недавние рты все вскрикнули разом
В лесу морозов, на васильковой заре!

Берк-Пляж

(I)

Вот, значит, море – великое отступление.
Как помогает солнца бальзам моему жару?

Неоновые шербеты, вынутые из морозилки
Бледными девушками, странствуют сквозь эфир
в опаленных руках.

Почему тут так тихо? Что они все скрывают?
У меня есть ноги, я двигаюсь и улыбаюсь...

Убивают звуки движенья песчаные дюны;
Их – мили и мили. Приглушенные голоса —

Дребезжащие и потерянные, вполовину
былой силы.

Линии зренья, обожженные лысым пейзажем,

Стреляют назад, как резинка рогатки,
и владельцу же делают больно.

Что ж удивляться, что он – в темных очках?

Что ж удивляться, что он предпочитает
черную рясу?

Вот он идет, меж сплошных рыбаков,
охотников на макрель,

И те к нему обращают спины, как стены,
И сжимают в руках черно-зеленые ромбы,
как новые части тела.

И море, покрывшее их кристаллами соли,
Прочь ускользает, как тысяча змей,
с долгим и злобным шипеньем.

(II)

Черный башмак не ведает жалости ни к кому —
Да и с чего бы? То – гроб для мертвой ноги,

Большой, лишенной жизни и пальцев ступни
Святого отца, что измеряет глубину своей книги.

Узор купальника, изгибаясь, перед ним
склонился, как декорация в театре.
Дерзновенные бикини кроются среди дюн, —

Груды и бедра, кондитерский сахар

Кристалликов белых, мерцающих

в солнечном свете,

Пока открывает глаз свой зеленая заводь,
И тошнит его от всего, что уже заглотил он, —

От всех этих ног и рук, и обличий, и криков.

За кабинками из бетона
Двое влюбленных сдирают с себя
липучки застежек.

О, белизной обрамленное море,
Я вдыхаю тебя, точно чашу, —
и сколько же соли в горле...

Зритель тянется, трепеща,
Длинный, будто рулон ткани,

Сквозь тихую злобу и травы,
Волосатые, точно интимные части.

(III)

На балконах отеля сверкают предметы.
Предметы, предметы —

Инвалидные кресла стальные,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.